

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Гарем
«Все включено»

Елена Ивановна Логунова
Гарем «Все включено»
Серия «Елена и Ирка», книга 20
Серия «Смешные детективы»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55327583

Гарем «Все включено»: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-113529-4

Аннотация

Тележурналистка и писательница Елена и ее боевая подружка Ирка жить не могут без криминальных приключений. Даже в отпуске, который они проводят в жаркой Турции, дамы снова их нашли, причем не по собственной воле! Началось все с того, что их кто-то обстрелял. Потом в снятых апартаментах появился женский труп, но через несколько минут мертвая незнакомка исчезла! А через день пропала и соседка Дуня, оставив после себя голодного кота и полный разгром в комнате...

Елена Ивановна Логунова

Гарем «Все включено»

© Логунова Е.И., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Ирка ждала меня на входе в зал международных авиарейсов и выглядела при этом так странно и подозрительно, что я удивилась, как это ее до сих пор не задержали?

Нет, оделась-то она еще ничего, почти прилично: просторные льняные штаны, футболка с фруктовым принтом, сабо на деревянной подошве с заклепками и шляпа размером с тележное колесо. То, что гигантские клубничины на футболке пришлось аккурат на молочные железы пятого размера, воспринималось как деталь пикантная, но несущественная: в сумраке эти бабьи ягодки не особо бросались в глаза.

Было то смутное предрассветное время, которое поэтично называют «час между волком и собакой», подразумевая временные трудности в идентификации внешне схожих существ. Вот Ирку, например, сейчас очень легко можно было принять за сумасшедшую – и не сказать, что тихую. Уж очень активно, в классическом челночном режиме, снова-

ла она вверх и вниз по ступенькам, ведущим к раздвижным стеклянным дверям, методично сводя с ума и эти самые двери заодно.

Они послушно разъезжались, когда моя подруга восходила на верхнюю ступеньку, и снова сдвигались, едва она начинала спуск. Безупречно цикличное действие сопровождалось однообразным жужжанием механизма и происходило в отсутствие публики.

Подружка приехала в аэропорт слишком рано, другие пассажиры рейса в Анталию еще не подтянулись, а иных вылетов за пределы нашей родины в этот час не было. Так что мы с таксистом стали единственными зрителями оригинального шоу «Перед стеклом».

Засмотревшись, я упустила момент, когда следовало подстраховать немощного дедулю-таксиста, выгружавшего мой багаж, и увесистый чемодан слишком сильно стукнулся об асфальт. Стуку сопутствовал мучительный хруст, услышав который, я скривилась: похоже, одним колесиком у моего чемодана стало меньше.

И точно: на пути к аэровокзалу, куда я его покатила, прежде вполне устойчивый чемодан вихлялся и дергался, как Макс Покровский из группы «Ногу свело» в процессе исполнения бессмертного хита про дедушку с рахитом и плоскостопием. Он вспомнился мне в прямой связи со снующей по ступенькам Иркой. Она хоть и не лежала на перроне, но тоже создавала интригующий сюжет с участием явно нездо-

рового персонажа и требовала к себе внимания.

Конечно же, я его проявила.

– Ты чего дергаешься, как припадочная? – участливо спросила я, подтащив себя с чемоданом поближе к ступенькам.

– Я не верю... Я не верю... – пробормотала подружка, похоже, далеко не в первый раз.

– А знаешь, зря, – попеняла ей я, – дело твое, конечно, но у атеистов нет никаких перспектив на загробную жизнь, и об этом стоило бы задуматься перед полетом...

С этими мудрыми словами я обошла Ирку, закатила колесный чемодан наверх по пандусу и милостиво позволила истомившимся стеклянным дверям исполнить наконец свою священную миссию – пропустить в здание аэровокзала пассажиров.

Прежде чем последовать моему примеру, подружка еще отдалилась от крыльца на пару метров и из-под ладони, приложенной ко лбу под ненужной в потемках шляпой избыточным козырьком, пытливо поглядела на соседнее здание внутренних рейсов. Потом опять пробормотала свое «Я не верю!», вернулась на крыльцо и, мимоходом сцапав мою руку, с ускорением потащила меня к досмотровым рамкам:

– Давай уже поскорее пройдем в чистую зону, чтобы наверняка...

– Наверняка – что? – уточнила я и не думая сопротивляться. Какой смысл, у Ирки сто кило живого веса, у меня всего

шестьдесят. – Не загреметь в дурку?

В принципе логика в этом была. Забрать буйнопомешанную из чистой зоны аэропорта санитарам скорой психиатрической помощи будет гораздо сложнее, чем просто с улицы.

Подружка шпильки даже не заметила. Забросив на движущуюся ленту и свой, и мой чемодан, она без задержки просквозила через рамки и встретила меня за ними с нервным притопом.

– У тебя все в порядке? – спросила я прямым текстом.

– Ага. Ты не слышала, борт в Шереметьево уже улетел?

– Не знаю, а что? – И тут до меня дошло: – А-а-а! Ты волнуешься за Моржика с детьми?

Иркин супруг, в миру известный как Моржик, повез на очередное randevu с американской бабушкой их с Иркой ненаглядных оглоедов – шестилетних близнецов Масыню и Манюню. Ирку в Америку опять не взяли, чтобы не доконать и без того хлипкую бабку: у той с невесткой сложные отношения с элементами террора и диверсионно-партизанской войны. Чтобы не дать подружке загрустить, я уговорила ее отправиться вместе, вдвоем, без мужей и детей, на отдых в Анталию. Мои супруг и сын как раз тоже отбыли к деду в Крым, чтобы помочь ему покрасить крышу летнего дома в Феодосии, а мне совершенно не улыбалось ехать с ними и вместо полноценного отдыха работать на семейной стройке бесправным подмастерьем, подносящим кисти и растирающим краски.

– Да, я волнуюсь. – Подружка кивнула и зачем-то постучала по своему чемодану, внимательно прислушиваясь к получающимся звукам. – Неужели в самом деле? Я прям не верю...

– Ты проверяешь, не забрались ли в твой чемодан близнецы? – Я наконец поняла, что происходит. – Ира, все! Расслабься! Они уже улетели в Москву и дальше в свою Калифорнию, а мы с тобой через два часа отправимся в Турцию!

– Надеюсь, это был правильный выбор, – вздохнула подруга.

– Турция-то?

Место нашего с ней отдыха Ирка выбирала по глобусу. По моему, важнее всего для нее было соблюсти максимальное расстояние между теми локациями, в которых окажется ее семейство с одной стороны земного шара и она сама – с другой.

– Все, успокойся! – повторила я, подталкивая подружку к стойке регистрации. – Начинается наш тихий, спокойный отдых!

– Тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не сглазить! – Ирка троекратно плюнула и, не удовлетворившись этим, размашисто перекрестилась.

Я ей одобрительно-успокаивающе улыбнулась: хуже не будет. На Иркином месте я бы использовала и церковные ритуалы, и шаманские практики – все, что угодно, лишь бы провести хоть пару недель без милых деток.

Масяня и Манюня – это взрывной коктейль из ангельской внешности и неукротимой энергии адских котлов. Если бы всем детям, как Маленькому принцу, при рождении выдавали по подходящей планете, Масяня и Манюня без проблем прибрали бы к рукам Нептун с его реактивными ветрами и Юпитер с его титаническими молниями. Для начала. Потом-то они, конечно, завоевали бы все Вселенную, что, впрочем, еще вполне могут сделать. Потенциал у деток есть.

Я невольно поежилась (жить под гнетом Масяни и Манюни мне не хотелось, вся надежда была только на моего собственного сына – он вполне способен составить конкуренцию Иркиным отпрыскам и защитить родную маму) и вслед за подружкой отправилась на регистрацию.

Где-то через четверть часа, уже в чистой зоне ожидания вылета, Ирку наконец отпустило, но перед этим она все-таки пробежалась по залу, заглядывая под кресла, за автоматы с напитками и в иные укромные уголки, размерами приблизительно совпадающие с габаритами крупных шестилетних мальчиков.

Убедившись, что здесь и сейчас Масяня и Манюня присутствуют только в ее любящем материнском сердце, Ирка расслабилась, и ее лицо приобрело то блаженное выражение, которое гораздо реже, чем им того хотелось бы, бывает на выходе из уборной у страдальцев с хроническими запорами. Сбегав в дьюти-фри, счастливая подружка вернулась с шампанским, и оставшееся до вылета время мы с ней скоротали

с максимальной приятностью.

Мы же тогда не знали, что выпитое натошак шампанское и сломанное колесико чемодана станут звеньями якорной цепи, способной утянуть нас на дно... Да и какое, казалось бы, дно – нам мерещились исключительно ласковые голубые волны...

– По морям, по волнам! Нынче здесь, завтра там! – напевала моя подружка, глядя в иллюминатор.

Лицо у нее при этом было мягкое, просветленное. Чувствовалось, что она засматривается в окошко не потому, что опасается увидеть настигающий нас борт Краснодар – Шереметьево с развевающимся пиратским флагом на хвосте. То есть Ирка вовсе не думала о том, что ее мужики вполне могли взять пилотов в заложники и принудительно развернуть лайнер в Турцию, а она редко когда не держит в уме возможность чего-то такого. Когда живешь в одном доме с Масяней, Манюней и их папой – бывшим спецагентом, нужно быть в постоянной готовности к подвигам и приключениям.

Пожалуй, немножко такой готовности имело смысл оставить про запас – мало ли что, но расслабившаяся Ирка слила весь этот ценный ресурс без остатка, безответственно заменив его в организме спиртным. За первой бутылкой шампанского, распитой еще в аэропорту, последовала вторая, конспиративно приговоренная уже на борту, и под жаркое солнце Анталы мы выгрузились и без того уже тепленькими.

Было начало десятого – прекрасное летнее утро. У выхо-

да из здания аэровокзала вставляли на носочки и вытягивали шеи встречающие с табличками, за их спинами толпились разнообразные транспортные средства.

– Нам нужен автобус номер восемьсот, – сообщила я подруге, сверившись с бумажкой.

Логистика наших перемещений была на мне. Я заранее разобралась с маршрутами общественного транспорта и даже разжила специальную пластиковую карту, необходимой для оплаты проезда. Попросту выклянчила ее у одной хорошей знакомой, занимающейся челночным бизнесом, если честно.

– Да ну его! – отмахнулась подружка. – Возьмем такси!

– Так ведь наши люди в булочную на такси не ездят, – напомнила я.

Без крайней на то необходимости ездить куда-либо на такси было не в Иркиных привычках. Моя подруга – дама похвально экономная, на рынке она торгуется так, что бывалые продавцы, заметив ее приближение, прячутся под прилавками.

– Так мы и не в булочную! – не успокоилась Ирка, душа которой под воздействием утреннего напитка аристократов и дегенератов широко развернулась и снова принимать компактную форму решительно не желала. – Мы в отель! Две прекрасные дамы с двумя большими чемоданами, у одного из которых, напомним, сломано колесико... А сколько, ты говорила, нам идти от автобусной остановки до того отеля?

– Примерно километр...

– И?

Я представила себе, как буду волочь сопротивляющийся чемодан по узким, волнистым и горбатым тротуарам, спотыкаясь о неровности разномастной плитки, спящих враспашку котов и костяные ноги дедушек, играющих в нарды у порогов своих лавочек, в окружении резвых детишек и переносных жаровень с пытящими на них двухэтажными чайниками...

Чемодан будет выворачиваться у меня из рук, дребезжать и греметь, аборигены станут на нас таращиться и комментировать происходящее по-своему, а я даже не знаю турецкого, чтобы им достойно ответить!

Вернее, знаю только несколько слов: «сарай» – это дворец, «диван» – это собрание, «дурак» – это остановка... То есть не тот у меня словарный запас, чтобы защититься, если что, свою честь и достоинство.

– Ладно, поедем на такси, – сдалась я.

– Такси! – тут же радостно загудела моя подружка густым мажорным басом прогулочного теплохода.

Это было очень по-южному, по-летнему, по-курортному и замечательно соответствовало праздничному настроению Ирины Максимовны. Боюсь, это также полностью соответствовало представлению местных жуликов о простодушных и глупых русских тетках из пыльной провинции, и вместо нормального таксиста к нам первым подскочил какой-то жиголо.

– Ты посмотри на него, какой он таксист? – опасливо нашептала я на ухо Ирке, которая благосклонно взирала на загорелого красавца в белоснежных одеждах.

– Отличный таксист, все бы такие были! – не урезонилась моя нетрезвая подружка. – Так, все, за такси плачу я, так что не спорь со мной, садись в машину! Пое-эдем, красо-отка, ката-а-аться...

Сообразив, что с поддатой Ирки станется устроить тут концерт, а репертуар русских песен у нее обширный и голос громкий, я решила не спорить и загрузилась в машину. Желтую, кстати, и с надписью TAKSI, как положено, так что, возможно, напрасно я заподозрила водителя в чем-то нехорошем...

А нет, все-таки не напрасно! Этот смазливый типчик завез нас куда-то не туда! Каюсь, в машине я слегка задремала и не следила за дорогой, а Ирка прилетела в Анталию впервые и не ориентировалась на местности совершенно.

– Ира, а где это мы? – спросила я, пробудившись, проморгавшись и оглядевшись.

Вокруг теснились яркие образцы традиционной турецкой архитектуры прошлого, если не позапрошлого, века. Возведены они были встык, без зазоров между отдельными строениями, и по прошествии времени этот метод себя бесспорно оправдал: кривобокие домишки опирались друг на друга и, полагаю, лишь потому не падали.

В целом местность выглядела интересно, экзотично, но

решительно не походила на ту, которую я видела на фотографиях, украшающих сайт нашего отеля.

– Это тебя надо спрашивать, где мы! – фыркнула Ирка, также без восторга озираясь. – Я говорила, надо селиться в «Риксосе», а ты что выбрала?

– А я выбрала хороший и недорогой апартамент-отель в приличном районе и не так уж далеко от моря...

Кряк! С покосившейся стены ближайшего домика с хрустом отвалился, обнажив прогнившую деревянную обрешетку, приличный кусок украшенной синенькой мозаикой штукатурки.

– Вот это, по-твоему, приличный район?! – Ирка обвела руками окрестное убожество.

– Это, по-моему, совсем не тот район! Признавайся, что ты сказала таксисту? – Я оглянулась, но красавчик в белых штанах и на желтом авто бесследно испарился, как только с ним расплатились. – Какой адрес ты ему назвала?

– Какой адрес? Я бы его не выговорила! Я просто сказала название отеля...

Тут Ирка как-то очень подозрительно забегала глазами, и я почувствовала неладное:

– И какое же это было название?

– Ну, я его не сразу вспомнила, а ты как раз задремала, мне было жалко тебя будить, – завила подруженька. – Но в памяти у меня отчетливо отпечаталось, что это что-то героическое, времен гражданской войны, и в то же время свя-

занное с местными народными промыслами...

– С какими промыслами?! С какой гражданской войной?!

– Ну, с нашей, не с турецкой же, я насчет их войн вообще не в курсе. – Ирка занервничала. – Короче, я сказала: «Ковер-Чапай», так ведь?

– Ира-а-а! – застонала я. – Какой ковер-чапай?! Наш отель называется «Анка-палас»! Палас – как «дворец» по-английски!

– А Анка – как Анка-пулеметчица, боевая подруга Чапая!

Несколько секунд мы смотрели друг на друга, как Петр Первый на проворовавшегося, но нераскаившегося Меншикова (Петром была я), потом Ирка сдулась и развела руками:

– Ну, прости, я ошиблась!

Признав свою оплошность, она ничуть не усовестилась и явно не собиралась посыпать голову пеплом, хотя он поблизости наверняка имелся – неподалеку совсем недавно что-то горело. Дыма не было, но из-за глинобитной стены тянуло характерным запахом.

– Кстати, интересно, а где же тут Чапай? – Ирка внимательно обозрела окрестности. – Ковер-то я вижу...

Ковер, если его можно было так назвать, закрывал собой пролом в одной из стен. Опасаясь, что из-за этой импровизированной двери к нам сейчас полезут какие-нибудь этнические бомжи с ятаганами, я предложила подружке понизить голос и завершить спонтанную экскурсию, а попросту говоря, поскорее убраться отсюда.

– Да, надо найти такси. – Ирка кивнула и набрала в грудь побольше воздуха.

– Стой! Тихо!

Я догадалась, что она собралась орать: «Такси! Такси!», чего никак нельзя было делать, ведь для местных разбойников это стало бы сигналом о появлении в их охотничьих угодьях незащитных заплутавших туристов.

– Такси будем искать молча и исключительно взглядами!

– Ладно, тогда ты стой тут, а я схожу погляжу. – Ирка поправила темные очки и подсмыкнула льняные штаны: серьезно настроилась.

– Нет, это ты стой, а я пойду погляжу, – не согласилась я. – У нас тут два больших чемодана, если что, я одна их от уличных грабителей не отстою, а вот у тебя шансы есть.

– И шансы, и порох в пороховницах, и ягоды... – Ирка воинственно размяла плечи и заодно поправила бюстгальтер, идеально вписанный в клубничный рисунок майки. – Ладно, беги за такси, но постарайся не задерживаться, я буду за тебя волноваться.

– Есть, мэм!

Я определилась с направлением и бесшумным шагом морского котика на задании двинулась в ту сторону, где в сизом мареве горячего воздуха призрачно дрожали башни многоэтажных жилых домов. Там, надо полагать, имелась какая-никакая цивилизация.

Тихо шагая, я осмотрительно старалась держаться в тени

деревьев, но в какой-то момент вышла на середину пустой улочки, увидев на другой ее стороне большую вывеску «Куафёр Чапан». Написано было по-турецки, буквы местами облезли, но я не затруднилась прочесть и перевести: «Парикмахер Чапан». Вот, значит, как услышал и понял Иркино «Ковер-Чапай» услужливый придурок в белых штанах! К парикмахеру он нас привез! Головы в порядок приводить! А ничего, что с головами у нас по жизни беда непоправимая? И что Чапан этот, куафёр так называемый, судя по линялой вывеске, грязным окнам и заколоченной двери, никаких клиентов тут примерно с прошлого века не принимает?

Я подошла поближе и даже заглянула за угол, рассматривая заведение этого Чапана, чтоб ему икалось точно так же, как тому таксисту в белых штанах. За углом были руины почти полностью разрушенного дома, а дальше неуютный кочковатый пустырь. А вот на пустыре стояла желтая машина с гостеприимно распахнутой дверью!

– Такси!

Я радостно всплеснула руками и заковыляла к машинке, неуклюже пробираясь через завал из пористых камней, застывшей наплывами глины, гнилых деревьяшек и прочих антикварных стройматериалов.

Я уже добралась почти до гребня этой баррикады, когда на пустырь нехарактерно тихо и скромно – без нервирующих завываний и сверкающей мигалки – закатилась карета «Скорой». Она остановилась нос к носу с такси, водитель-

ская дверь открылась, из «Скорой» кто-то вышел – со своей стороны я его не видела, – и по щебенке захрустели торопливые шаги.

Я затормозилась, предполагая, что сейчас из такси в медицинский транспорт будут перегружать какого-то больного, а этому важному делу не стоит мешать, я могу и подождать немного, но ошиблась. Из такси тоже выбрался водитель, обошел свое авто, на минут скрывшись за ним от моего пытливого взора, и вскоре вернулся за руль, но уже не с пустыми руками, а с необычной ручной кладью – красно-синей пластмассовой коробкой вроде кошачьей переноски, только без дырочек. Аккуратно поместив ее на соседнее сиденье, таксист потянулся, чтобы закрыть свою дверь, и тогда я, сообразив, что он сейчас уедет, подпрыгнула и закричала:

– Стойте!

Стойте? Куда там! Тут что, все таксисты ненормальные? Этот захлопнул дверь и газанул, как на гонках!

А под моими ногами в момент приземления после прыжка поехали камни. Я потеряла опору и чуть не свалилась, но не успела толком испугаться – некогда было, следовало шустро бежать, – грохнул выстрел! Слишком торопливо посланная пуля счастливо разминулась с пошатнувшейся целью в моем лице и разнесла на осколки замызганное стекло в задней двери парикмахерской.

В том, что стреляли именно в меня, почему-то не возникло ни малейших сомнений. Мания величия? Да нет. Просто

за избыточное любопытство и редкое умение оказаться где и когда не надо, мне уже не раз прилетало. Стрелять не стреляли, это мне впервой, но подручными предметами бросались и даже ножами тыкали.

Не дожидаясь, пока в меня пальнут повторно, я птичкой слетела с кручи, и она очень удачно прикрыла мое отступление.

В трущобной жизни прогремевший выстрел никаких видимых изменений не произвел. Как было тихо и пусто, так и осталось. Никто не распахивал двери, не высовывался из окон, не кричал: «Что случилось?», «Где полиция?», «Вы окей?» – или что там должны вопрошать в таких случаях встревоженные местные жители. Я тоже помалкивала и при этом уносила ноги, сознательно прокладывая маршрут по самым узким улочкам, где не проедет «Скорая».

Я от души надеялась, что преследовать меня никто не станет, но мало ли... На тот случай, если водитель «Скорой» побежит за мной на своих двоих, я походя прихватила на задворках какого-то домика крепкое полено. Как хорошо, что у кого-то тут сохранилась дровяная печь, метко кидаться каменным углем я бы не смогла, а вот поленом отмахнуться, если придется, сумею!

Отмахиваться не пришлось: похоже, водитель «Скорой» был в машине один, и бросить ее без присмотра на пустыре в трущобе он не рискнул.

Убедившись, что меня никто не преследует, и успокоив-

шись, я с помощью мобильного сориентировалась на местности и разобралась, как мне возвращаться к Ирке. Бежала-то я как испуганный зайчик, дорогу не запоминала, но айфон, спасибо ему, показал мне на карте, где я нахожусь, и даже нашел ближайшую стоянку такси. К ней я и вышла, небрежно помахивая поленом, с которым до последнего не желала расставаться, поскольку мне крепко запомнилось: один из тех подозрительных типов, чья встреча на пустыре завершилась стрельбой по движущейся мишени в моем лице, уехал именно на такси!

К счастью, я запомнила, что в районе левой передней фары на том такси был нарисован красный турецкий флаг, так что для относительно безопасной поездки мне достаточно было выбрать машину без такого украшения.

Добродушному с виду пожилому таксисту я назвала все тот же злосчастный адрес: «Куафер Чапан», а уже там попросила проехать чуть дальше, указывая направление жестами.

Ирка сидела на низкой каменной оgrade, разделяющей условные дворики соседствующих домовладений, баюкая в руках почти такое же полено, с каким ходила я.

Завидев такси, она подскочила, заглянула в окошко, увидела меня, шумно выдохнула, отбросила в сторону бревнышко и обворожительно улыбнулась заметно удивленному таксисту.

Наверное, вечером он спросит у своих продвинутых внуков, что это за новая европейская экомода – с дровами гу-

лять...

– Ты чего? – кивнув на усвистевшее в мусор полено, спросила я Ирку.

– Стреляли, – ответила она лаконично и веско, как Саид из «Белого солнца пустыни».

Я секунду подумала, не сказать ли ей, что это стреляли в меня, и решила, что лучше будет промолчать.

Ирка и без того невысокого мнения о моей самостоятельности, будет потом бурчать, что я даже простое такси найти не могу без того, чтобы не вляпаться в неприятности...

– Тебя только за смертью посылать, – укорила меня подруга, усаживаясь в машину.

Ну вот, что я говорила? Ей только дай повод меня хоть в чем-то упрекнуть.

И ведь почти угадала, провидица! Со смертью я разминулась буквально на волосок!

Минут через двадцать мы благополучно прибыли в наш уютный новенький апарт-отель с названием про народные промыслы и Гражданскую войну.

– «Анка-палас», – настойчиво тыча пальцем в буквы на фасаде, озвучила я написанное специально для склеротичной подруги. – Не «Ковер-Чапай». Не «Петька-половичок». Запомни: «Анка-палас»!

– Да уж теперь не забуду, – пообещала она и заторопилась в наш номер, чтобы выбрать лучшую кровать – побольше, покрепче, помягче.

Меня в этот момент интересовали не столько характеристики кровати, сколько само ее наличие, потому что мое желание упасть и забыться достигло стадии острой и неотложной необходимости. Парализующий коленки и вымораживающий внутренности перепуг накрыл меня, как всегда, с приличным запозданием, когда пугаться уже было и поздно, и незачем.

Мешком свалившись в постель, я проспала до обеда. Ирка меня не тревожила, решив, что моя нетипичная сонливость – результат слишком раннего подъема и нетипичного завтрака в виде бутылки шампанского натошак.

Ах, если бы этим все ограничилось!

Разбудил меня аппетитный аромат, который совершенно не ассоциировался с Турцией: пахло гречкой со свиной тушенкой.

Я удивилась, но приятно:

– Откуда некошерные харчи?

– Ты про тушенку? У меня в чемодане еще три банки! – прокричала из соседней комнаты Ирка.

Она у нас запасливее осенней белочки.

– Гречка тоже из чемодана? – Я вышла из спальни, переместившись в гостиную, совмещенную с кухней.

– И чай, и шоколадка – все оттуда, – кивнула подружка, споро накрывая на стол. – Сейчас пообедаем, чем православным бог послал, а потом сходим в басурманский супермар-

кет за продуктами. Предлагаю сразу затариться с запасом, чтобы не возвращаться к этому вопросу хотя бы пару дней.

– И установить дежурство по кухне, – кивнула я, потому что не собиралась бессовестно эксплуатировать подружку.

Ей отдых от вахты у плиты даже нужнее, чем мне, у нее дома три прожорливых мужика, а у меня только два, и мои уже оба самостоятельные. Сын даже сам иногда готовит обед или ужин. И зачастую приготовленное им можно есть.

Мы позавтракали, и я стала мыть посуду, а Ирка присела за стол с блокнотом и ручкой, чтобы составить список покупок. Я периодически поглядывала в быстро удлиняющийся перечень насущно необходимого, иногда останавливая увлекающуюся подружку:

– Овсянку вычеркни, она тут в супермаркетах дорогая, уж без овсянки-то мы как-нибудь обойдемся... И помидоры вычеркни, за овощами мы завтра сходим на рынок, тамошние цены тебя приятно удивят...

– Почему на рынок завтра? Давай сегодня.

– Сегодня не получится, локальные рынки работают раз в неделю, в нашем районе базарный день как раз завтра, – объяснила я.

Ирка кивнула, с треском выдрала из блокнота лист со списком и, отложив его в сторону, снова принялась что-то чиркать.

– А это еще зачем? – спросила я.

– Это чтобы не забыть запросить перерасчет коммунал-

ки. – Подружка строго поглядела на меня поверх очков. – Надеюсь, ты помнишь о необходимости сохранять посадочные талоны? Приложишь их к заявлению в РЭП, и на то время, когда твоя квартира пустует, тебе пересчитают плату за коммунальные услуги. И за интернет, кстати, тоже, только надо будет еще в Ростелеком заявление написать.

– Какая ты, Ира, молодец! – искренне похвалила я продуманную и экономную подружку, начиная шарить по карманам.

Помнила же, что сунула квиточек посадочного талона в джинсы... Или в кошелек?... Или просто в сумку бросила?

Бумажки, имеющей, как выяснилось, определенную ценность, нигде не было.

– Потеряла! – со вздохом резюмировала Ирка и покачала головой. – Ну что с тобой делать...

Говорю же, она искренне убеждена, что без ее заботливого досмотра и пригляда я, бестолочь этакая, просто пропадом пропаду.

– Кормить, любить и никогда не бросать! – ответила я словами идейно близкого мне мультперсонажа – кота Гарфилда, и мы пошли в магазин за продуктами.

Ох, если бы я заранее знала, какой это будет долгий поход, я бы сбегала за покупками сама, оставив Ирку дома. Вообще-то к тому, что в магазинах моя экономная подруга непременно придирчиво изучает каждую букровку на упаковках и проводит сравнительный анализ цен с калькулятором в ру-

ках, я уже привыкла... Просто не подумала, как осложняют процесс выбора необходимость пересчитывать лиры на рубли и надписи на турецком, которого Ирка не знает вовсе.

– Тут написано... Что тут написано? Это молоко? – Подружка сняла с полки картонный пакет с изображением синего бидона.

– «Сют» – молоко, – подтвердила я и пошла дальше, наивно полагая, что вопрос исчерпан.

Как же!

– А почему на одной коробке бидон синий, а на другой красный? – Подружка взяла еще один пакет, покачала один и второй на руках, как на весах. – Вес одинаковый... В чем разница, какое молоко лучше?

– Лучше то, которое дороже, – предположила я.

– Логично, – согласилась Ирка и поставила в тележку то, что дешевле.

Я хмыкнула и пошла дальше, в ряды с косметикой. В прошлом году я по дешевке купила в турецком супермаркете превосходное кокосовое масло, оно оказалось лучше любого разрекламированного крема, и полулитровой банки мне хватило на весь год.

Масло пришлось поискать, Ирку я на какое-то время потеряла из виду и нашла уже в отделе хозяйственных принадлежностей. Беззвучно шевеля губами, подруга стояла перед стеной из туалетной бумаги. Со стороны казалось, что она молится.

– Вечерний намаз? – пошутила я.

– Чем намазано? – недослышала Ирка. Она нашла упаковку с надписями на двух языках – турецком и английском. Ее и созерцала, морща лоб. – Тут написано «на каждый день»? Подразумевается, что есть еще какой-то праздничный вариант туалетной бумаги?

– Ага, со стразиками. – Я забрала у нее упаковку пипи-факса и бросила ее в тележку. – Шагай давай.

– Нет, со стразиками – это на очень долгую память, – хихикнула подружка. – А праздничный вариант – это чтобы даже не присесть, чтобы ноги сами в пляс несли...

– А, тогда это с волокнами стекловаты.

– Такое делают?!

– В промышленных масштабах – вряд ли, а в частном порядке...

Я невольно поморщилась, вспомнив детский опыт сиделок на трубе с местами нарушенной теплоизоляции. Эта самая стекловата в прорехах обмотки выглядела такой мягкой и нежной... Никогда в жизни я так не обманывалась.

– Потом расскажешь. – Чуткая подруга по выражению моего лица угадала, что я могу поделиться горьким опытом. – Сейчас нужна твоя помощь... Так, что я еще не купила?

Она снова посмотрела на туалетную бумагу и вспомнила:

– А, точно! Шоколадную пасту!

Я не стала спрашивать, как у нее одно проассоциировалось с другим – и так было ясно: по сходству цвета и конси-

стенции.

– Так, ну...

– «Нутеллу»? – подсказала я, торопясь уже закончить этот эпический поход.

– Ты что? Смотри, какая она тут дорогая! – ужаснулась подружка. – Зато я вижу четыре вида какой-то местной шоколадной пасты с орехами, возьмем одну из них. Сейчас я пересчитаю цены на килограмм и определюсь.

Я приготовилась долго ждать.

– Берите эту, – неожиданно спас меня симпатичный молодой брюнет.

С виду он был неотличим от аборигенов, но говорил по-русски даже без акцента.

– Она недорогая и вкусная, всегда ее покупаю. – Незнакомец взял с полки красную коробочку, улыбнулся нам и удалился вглубь рядов.

– Это еще кто такой? – Ирка строго посмотрела на меня поверх приспущенных очков.

– Понятия не имею. – Я пожала плечами. – Какой-то добрый русскоязычный человек.

– И откуда он тут? Да еще так вовремя?

– Какая разница? – Я тоже взяла и положила в нашу тележку красную коробочку. – Все, едем к кассе!

– Подозрительно мне это, – заворчала подружка, неохотно разворачивая телегу. – Ты поосторожнее со случайными знакомствами. Я читала, тут делают большие деньги на про-

даже в гаремы иностранных секс-рабынь...

– Где ты это читала, в исторических книжках про расцвет Османской империи?

– Не только! В интернете тоже! Ты думаешь, этот гаремный бизнес устарел? Сомневаюсь...

– Я думаю, это мы с тобой несколько устарели для гаремного бизнеса, – успокоила я подругу. – Чай, не девочки уже. Тем более не интердевочки.

– Чего это мы устарели? – Ирка неожиданно обиделась, втянула живот и выпятила грудь. – Я лично женщина в самом расцвете сил!

– Отлично, тогда ты и понесешь пакет.

Мы расплатились за покупки, Ирка внимательно изучила чек, взяла пакет и пошла домой. Я шагала следом, проверяя, правильно ли она идет. У моей милой подруги топографический кретинизм в легкой степени, нужные маршруты ей приходится запоминать по принципу «повторение – мать учения».

– Направо, – подсказывала я ей из-за спины. – Теперь прямо и перед лавкой с дондурмой налево.

– С чем дурным?

– Ни с чем. «Дондурма» – это по-турецки «мороженое».

– Дорогое?

Ирка – знатная сладкоежка – притормозила, но я подтолкнула ее в спину, пока она не начала изучать ассортимент и калькулировать цены. В этой лавке мороженого видов два-

дцать, не меньше, можно очень надолго зависнуть...

Подружка неохотно, но без активного сопротивления продавила в нужную нам калитку, вошла в дом и уже в лифте попеняла мне:

– Торопишь меня... Мы куда-то спешим?

– Мы-то нет... Втяни живот! – Я смекнула, что спешит кто-то другой – по мраморному полу со свистом скользили подметки, – и потеснила подружку, освобождая место в кабине для еще одного пассажира.

Вернее, пассажирки. Гражданочка в черном с ног до головы затормозила, увидев в коробочке лифта нас.

– Заходите, заходите! В тесноте, да не в обиде! – приветливо заулыбалась ей Ирка.

И озабоченным шепотом уточнила у меня:

– Она ж небось по-русски ни бум-бум?

– Вэлкам, – сказала я специально для тех, кто ни бум-бум по-русски, и еще подвинулась, ясно намекая – заходи, мол, все поместимся.

Гражданочка в черном покосилась на ступеньки, но, видно, решила, что неприлично будет пренебречь нашим показательным дружелюбием, и все-таки шагнула в кабину.

– Кнопочку нажмите! Пынь! – все так же улыбаясь, посоветовала ей Ирка и показала, как именно надо «пынь», ткнув указательным пальцем в серебристый кружочек.

Закрепощенная женщина Востока тоже высунула из длинного рукава один пальчик, придавила нужную ей кнопку,

двери закрылись, и мы поехали. Ирка улыбалась, я, чтобы не смущать гражданочку, смотрела на встроенный в стену экран – показывали что-то из жизни насекомых, попутчица наша стояла себе черной пирамидкой, скромно потупив взор, так что я даже глаз ее не рассмотрела. Остальное-то и вовсе было спрятано под материей.

Закрепощенная женщина вышла этажом раньше.

– Уф, – вздохнула Ирка, стирая улыбку с лица вместе с потом. – И как это они ходят по такой жаре все обмотанные тряпками? Одни глаза на виду, никакой ведь вентиляции!

Мы выгрузились из лифта на своем этаже, и Ирка поволокла к нашей двери пакет, а я приготовилась открыть дверь – старательно припоминая семизначный код замка. Там были латинские буквы и арабские цифры – то еще упражнение на укрепление девичьей памяти.

Я набрала код так, как запомнила, но дверь не открылась. Значит, неправильно запомнила, эх... Пришлось доставать мобильник и заново набирать буквы и цифры, сверяясь с записью в «Заметках».

Я предусмотрительная, да.

Отправляясь в путешествие, я всю такую важную информацию, как коды, адреса, разные там явки и пароли, непременно записываю и на бумажке, и в каком-нибудь из гаджетов. Так сказать, дублирую информацию, используя для ее сохранения и традиционный способ, и современные технологии. Мало ли, вдруг бумажка потеряется или, наоборот,

телефон разрядится...

А дверь опять не открылась!

– А ну, дай я! – Ирка потеснила меня и набрала код сама.

И дверь опять не открылась.

– Да что за фигня?! – возмутилась подружка. – Я точно помню: зет, восемь, три, пять, аш!

– Аж два раза, – прокомментировала я. – Ну, видишь же, не открывается? Наверное, управляющий код поменял.

– Как это – он код поменял? Что за самоуправство! Ну, я его сейчас! – Ирка было дернулась к лестнице, но вовремя вспомнила, что управляющий как раз из тех, кто ни бум-бум по-нашему, а сама она в той же нулевой степени знает турецкий, так что договориться они никак не смогут, и передумала «его сейчас». – Так, беги-ка ты вниз, прищучь этого деятеля, пусть скажет новый код и больше тут не самовольничает!

Я кивнула и заторопилась вниз по лестнице – на первый этаж, где в своем маленьком офисе гнездится управляющий нашего апарт-отеля Хасан. Очень милый мужчина, любезный и улыбчивый...

Спускаться пришлось что-то слишком долго, и, уже подходя к офису управдома, я вдруг сообразила: я же шла с четвертого этажа. С четвертого, а не с третьего, где нас поселили!

Но как... А очень просто! Ирка, видно, не знала, что первый этаж тут считается нулевым и для попадания на фактически четвертый нужно нажать в лифте кнопочку с цифрой

3...

Блин, мы ломились в чужую квартиру!

Я круто развернулась и побежала вверх по лестнице, спеша проверить свое предположение. Поднялась на правильный третий этаж, ввела в замок на нужной двери тот самый код, повернула ручку – и вуаля! Дверь послушно открылась... Вернее, приоткрылась. Что-то мешало ей распахнуться свободно и широко. Я поднажала, дверь продавилась глубже. Я, разумеется, сунулась поглядеть, что за баррикада там вдруг сама по себе воздвиглась в наше отсутствие, и не поверила своим глазам.

На полу, на сияющем чистотой светло-сером ламинате, вольготно, просторно разбросав руки-ноги, лежало тело.

– Эй, это кто тут? – очень-очень озадаченно спросила я.

Тело даже не шевельнулось, тем самым как бы безмолвно уточнив: не кто, а что. Труп это тут, вот что. Женский труп в легком летнем комбинезоне цвета мокрого песка.

Я закрыла дверь, через несколько секунд опять открыла ее, снова посмотрела – картина не изменилась.

– Ира! – боязливо позвала я.

Этажом выше отчетливо слышались задорная ругань и энергичная возня. Подруга моя явно продолжала сражаться с дверью. Дверь, слава богу, пока побеждала. Не хватало нам еще к чужому трупу взлома чужой же двери добавить! Ой, надо не дать Ирке совершить то, что на языке полицейского протокола называется «несанкционированным проникнове-

нием в чужое жилище»...

– Ира! – Я взбежала вверх по лестнице и помешала по-друге с разгону влупиться в дверь – а она уже и разбег взяла, приготовилась к решительному штурму. – Остановись, это не наша квартира, наша ниже, тут четвертый этаж!

– Серьезно? – Ирка выразительно огляделась. – И где же это написано? Ни этаж не обозначен, ни номера квартир – какая возмутительная безалаберность! Я говорила, надо было селиться в «Риксосу».

– Надо было, – согласилась я.

– Что? – Подружка посмотрела на меня с подозрением. – Я еще чего-то не знаю? Так ты говори, говори.

– Я говорю, – кивнула я. – Ира, у нас в квартире труп!

– Чей? – Ирка посмотрела на меня, на себя...

В самом деле, чей труп может быть в нашей квартире, если мы обе здесь?

– Не знаю. Чей-то... Женский.

– Чушь какая-то! – Подруга решительно зашагала вниз по ступенькам.

Я поспешила за ней. Ирка с разгону распахнула нашу дверь и секунд десять, не меньше, задумчиво смотрела внутрь нашей квартиры. На труп, полагаю. Который точно не наш!

Потом она оглянулась на меня, выжидательно замершую на межэтажной площадке:

– Это у тебя шутки такие, да?

– Ты что? – Я шокировалась. – Думаешь, я шутки ради могу кого-то убить?!

– Лена, тут нет никого! Ничего... В смысле, трупа тут нет! – Ирка распахнула дверь, шагнула за порог. – Во всяком случае, я ничего такого не вижу...

Она присела, низко свесила голову и покрутила ею, выглядывая искомый труп под столом и под диваном, где могли схорониться разве чтодохлые тараканы.

– Да как же...

Я резво прискакала вниз, тоже зашла в квартиру. Осмотрелась и стоя, и, как Ирка, сидя на корточках.

Хм... И правда – никого и ничего. Даже тараканов, хотя их я и не хотела бы найти...

– Тебе голову напекло? Померещилось? Пойди-ка полежи под кондиционером, – посоветовала подружка, водружая на стол пакет и вынимая из него покупки.

– Да я клянусь тебе, тут женщина лежала! Вот прямо тут, на полу! – Я потопала ногой.

– Так. – Ирка села на стул, посмотрела на меня строго. – Давай рассуждать логически. Если тут был труп, то куда он отсюда делся?

– Если логически, то сначала – откуда он тут взялся? – поправила я.

– Вот именно!

Мы немного поиграли в гляделки, потом я тряхнула головой:

– Ничего не понимаю!

– Под кондиционер, – сокрушенно поцокав, сказала Ирка. – И мокрое полотенце на лоб. И больше никогда не начинай день с шампанского, во всяком случае, в странах с жарким климатом.

– Да я нормально себя чувствую, – неуверенно возразила я.

Блин горелый, неужто и вправду мне померещилось?

– Ну, норма – понятие относительное, это тебе любой психиатр подтвердит, – сказала Ирка.

Не обращая внимания на то, что она там бормочет, я обошла всю квартиру: две комнаты, одна из которых совмещена с кухней, санузел, балкон. Все новенькое, чистенькое, всюду светло, потому что много окон... А трупов нет совсем. И мне бы этому радоваться, конечно, но как? Как фрекен Бок из мультфильма про Карлсона, которая весело напевала: «А я сошла с ума, я сошла с ума, какая досада...»?

– Что ты там делаешь? – раздраженно крикнула мне Ирка из гостиной и притопала в спальню, чтобы повторить: – Что ты ищешь?

– Да труп же.

– В выдвижных ящиках комода?!

– В других местах я уже смотрела.

– Ох, боженьки! – Ирка с треском опустилась на кровать, всплеснула руками. – Ладно, давай еще раз. Ты уверена, что труп был?

– Да, – кивнула я. – И, секунду подумав, добавила: – Или же у меня случилась первая в жизни зрительная галлюцинация. Но почему сразу труп? И почему обязательно женский?

– Да, почему сразу труп? – повторила подружка. – С чего ты взяла, что тело было мертвым? У него из груди кинжал торчал или дырка от пули во лбу краснела?

– Фу! Нет! Но она так лежала... На полу, раскинув руки-ноги, как под солнышком на пляже...

– Может, просто спала?

– На полу?!

– По-моему, тут это норма. Сидеть на полу, лежать на полу... Восточная традиция!

– Восточная традиция подразумевает ковер или кошму – какую-нибудь подстилку, – не согласилась я. – А та баба лежала на голом полу, вот прямо на ламинате. И заметь – в чужой квартире. Это что, по-твоему, она тайно проникла к нам, чтобы поспать тут на полу?

– Ну а почему нет, может, у нее дома пятеро детей мал мала меньше, вот она и убежала туда, где спокойно и тихо...

– Каких еще пятеро детей?!

– Турецких, каких еще! У них тут очень большие семьи!

– Ага! – Я щелкнула пальцами. – Спасибо за подсказку, я вспомнила: у нее были светлые волосы, так что она точно не местная! Была...

– Ты все-таки настаиваешь, да? – Ирка развела руками. – Ну, я даже не знаю, что еще сказать... Так, а под кроватью-то

что ты ищешь?

– Может, гильзу... – Я действительно залезла под кровать, так что голос мой прозвучал глухо, но Ирка расслышала и рассудила:

– Брось, гильза – это выстрел, а выстрел – это грохот, кто-нибудь услышал бы!

– А если пистолет был с глушителем?

– Это вариант, – сказала подружка прямо мне в ухо, до половины ввинтившись под кровать. – Но выстрел – это еще и кровь, а ее ведь нет.

– Нож – тоже кровь, – продолжила я.

– О, я знаю! – Ирка дернулась, стукнулась головой и зашипела: – Ее задушили! Это быстро, чисто, тихо и вообще в традициях данной местности. Они шнурочком шелковым таким – р-раз! Я видела в сериале про жизнь султанов.

– Шнурочек – это вариант, – согласилась я, выползая из-под кровати. – Но тогда и искать нечего, шнурочек наверняка многоразовый, убийца не стал бы выбрасывать такой инструмент.

– Еще бы, натуральный шелк – он дорогой, – согласилась подружка, тоже выбираясь наружу. – У тебя паутина на волосах.

– А у тебя пыль.

Мы посмотрели друг на друга, и Ирка спросила:

– Ну, что делать будем?

– Вообще или с пропавшим трупом? – уточнила я.

– Про труп предлагаю забыть. Бог дал, бог взял...

– Тут Аллах, – напомнила я.

– Ну, тогда он и дал, и взял. – Ирка, крихтя, поднялась и вскинула руку, как скульптурный Ленин, указывающий народу дорогу в светлое будущее. – Идем на пляж!

Мы быстро собрались и выдвинулись к морю. Уходя, я для пущего спокойствия поменяла код дверного замка. Ирка при этом хмыкала, но хотя бы не называла меня жертвой галлюцинаций. Наоборот, продолжала обдумывать ситуацию и уже на улице поделилась со мной своими соображениями:

– Это могла быть та Гюльчатай. Она ведь вышла как раз на нашем этаже...

– Нет, баба на полу была одета по-европейски, в летний брючный комбинезон без рукавов, – возразила я, поняв, что она говорит об убитой.

– Да под ее паранджой можно было шубу норковую спрятать, не то что брючный комбинезон!

– Согласна, но куда тогда делась собственно паранджа?

– Может, ее убийца унес?

– То есть это было убийство с ограблением? – откровенно усомнилась я.

– А чего ты так удивляешься, может, на убитой под паранджой было три кило ювелирных украшений: местные дамы очень любят золото, – уверенно заявила Ирка. – У них же как? Надо все свое на себе носить, потому что муж-тиран в любой момент может из дома выгнать. Ему достаточно три

раза сказать какое-то слово, я забыла, какое именно, и все – он опять свободный мужик! Ты вообще смотрела бы исторические сериалы, там бывает полезная информация...

– Сомневаюсь...

Ирка нахмурилась.

– Нет, не в ценности сериалов! – поспешила я ее успокоить, чтобы избежать дискуссии. – В выдвинутой тобой версии. По-моему, время не сходится. Гюльчатай, как ты ее называешь, вышла из лифта минутой раньше, чем мы с тобой. Минут пять, наверное, мы с тобой возились с дверью, потом я пошла вниз – это минута, снова поднялась на третий этаж – еще минута... Итого минут восемь, не больше. Думаешь, за это время убийца ее и задушил, и раздел, и три кило золота с тела снял, и смыться успел?

– Да долго ли умеючи!

– Ну, не знаю... Я бы скорее предположила, что Гюльчатай никакого отношения к трупу на полу не имеет, просто живет в другой квартире на нашем этаже.

– Тоже вариант, – согласилась Ирка, и больше мы о убийцах и их жертвах не разговаривали.

Ну не хотелось даже думать ни о чем таком ужасном дивным летним днем в курортном городе!

Было очень жарко – электронное табло на фасаде какого-то административного здания показывало +40, мы старались держаться в тени и то и дело останавливались, чтобы хлебнуть холодной водички, специально взяли с собой две

литровые бутылки негазированной. Быстро стало понятно, что одного литра живительной влаги на весь поход Ирке не хватит: она пила, как верблюд, только что пересекший пустыню в марафонском забеге.

– В следующий раз возьму два литра, – тяжело отдуваясь, сообщила подруга.

Я скептически посмотрела на ее пляжный баул – такой пухлый и увесистый, что до комплекта к нему уже и сейчас требовался тот самый верблюд. Что делать, Ирка привыкла таскать к морю и обратно кучу пляжного барахла, ей непременно нужны подстилка, зонт, полотенца в ассортименте, средства до, во время и после загара, резиновый матрас, насос к нему, запас еды, книжка, журнал с кроссвордами... Это она еще детский надувной бассейн, водяные пистолеты и два набора для песочницы с собой не взяла, а они тоже входят в минимальную комплектацию, когда компанию на пляже подруге составляют ее детки.

– Помочь? – предложила я, поправив на плече свою собственную пляжную сумку, отягощенную исключительно комплектом сухого бельяшка и небольшим полотенцем.

– Тю, ты чего? У меня тут пять-семь кило максимум, для меня это тьфу, ерунда! – Ирка спрятала бутылку и двинулась вперед, с интересом озираясь и комментируя увиденное. – О, смотри, тут курочку жарят, двенадцать лир за готовую – это же недорого, да? А там бублики... А как они так сидят – на крохотульных табуреточках за низенькими столиками – и

не падают? И удобно им? Взрослые мужики, а мебель вовсе кукольная... И стаканчики малюсенькие, точно рюмочки, а пьют-то что? Чай? Это в сорокаградусную-то жару?

По оживленным городским улицам мы вышли на высокий берег, откуда открывался дивный вид на море в полукольце голубых гор. Горы сегодня были видны превосходно – день выдался ясный, и Ирка, созерцающая местные красоты впервые, задохнулась от восхищения:

– Аффф...

– Офигеть? – догадалась я, довольная эффектом.

– Аватар! – Ирка, восторженно подпрыгивая, смотрела на горы. – Нет, ты посмотри, это же в точности те синие чуваки из кино!

Я кивнула, тихо радуясь совпадению: моя лучшая подруга – почитай, мое второе я. Выглядим мы по-разному, но чувства и понятия у нас одинаковые.

Горы, окружающие просторный залив, действительно похожи на огромные синие фигуры – аватары забытых богов. Лежа на спине, они смотрят в небо – профили запрокинутых лиц красивые, четкие. Огромные синие аватары живые, они дышат... Иногда вовсе прячутся в тумане, делаются невидимыми и тогда, наверное, встают, распрямляются и трогают звезды... На закате яростное солнце – древнейший и вечный здесь бог – предательски высвечивает их контуры, показывает: вот они, вот, опять легли между морем и небом! Ждут, пока их призовут, поднимут, уведут в неведомое... Все ведь

движется, даже то, что кажется неизменным...

– Срочно пилим селфи! – Ирка, мое неугомонное альтер эго, бесцеремонно оборвала минутку светлой лирики, потащив меня на обрыв. – Так, смотрим в камеру, улыбаемся и машем! Еще разок... И еще, а то у меня третий подбородок вылез... Вот, теперь супер! Отправлю фоточку Моржику, пусть любит и завидует.

Мы спустились на пляж, и Ирка принялась хлопотливо на нем обживать, а я без промедления полезла в воду. Она была прекрасна! Чистая, теплая, со снующими в глубине рыбешками и минимумом энергичных пловцов и игривых купальщиц. Не знаю, почему в приморском городе так мало людей, умеющих хорошо плавать, но факт есть факт: местные жители предпочитают барахтаться на мелководье у берега. А приезжих тут нынче было мало – мы с Иркой пришли на городской пляж не в туристическом районе.

Тем не менее немногочисленных иностранцев, а особенно иностранок, нетрудно было заметить. И не только потому, что разговаривали они между собой, естественно, не по-турецки. Интуристы были представлены преимущественно нашими земляками и отличались от местных и внешностью, и манерами. Кожа, глаза и волосы более светлые, купальные костюмы яркие и смелые, солнечные очки, шляпы, громкий смех – «наших» было видно и слышно издалека. Даже в воде. Кстати, именно «наши» не боялись заплывать подальше и болтались у самых буйков.

Я, собственно, действовала как типичный представитель «руссо туристо»: надела шляпу и очки, чтобы не спалить лицо и плечи, и уплыла подальше, чтобы без помех насладиться купанием на просторе. Ирка тем временем обстоятельно намазалась маслом, закрутила свою рыжую гриву в пучок на макушке, натянула солнцезащитный козырек на голову и резиновые туфли на ноги, повесила на шею пластмассовый свисток на веревочке, обмотала вокруг талии длинную поролоновую колбасу, призванную обеспечить ей непотопляемость, и медленно вошла, я бы даже сказала – вдвинулась в воду. Выглядело это величественно и празднично, как торжественный спуск на воду многопалубного круизного лайнера – впечатленные купальщики освобождали Ирке водный путь, рассыпаясь в стороны, как селетки перед китом. Ну да, большому кораблю – большое плавание!

Некоторое время я любовалась подружкой, горделиво и неспешно – по-другому она не умеет – плавающей в оригинальном стиле «собака мордой вверх» туда-обратно вдоль береговой линии. Лицо серьезное и сосредоточенное, взгляд напряженный, подбородок воинственно выдвинут, козырек торчит, как орудийное дуло – ну, чисто пограничный корабль, истово охраняющий священные рубежи Родины!

Убедившись, что с Иркой все в порядке, на плавсредство в виде поролоновой колбасы вполне можно положиться даже всей сотней подружкиных кило, я расслабилась, закрыла глаза, легла на спину и закачалась на легких волнах утлым

плотиком. В радиусе полусотни метров вокруг меня никого не было – ни купальщиков, ни лихачей на катерах и водных мотоциклах... Красота!

Но мое счастливое одиночество было недолгим. Волнение воды чуть усилилось, выдавая чье-то быстрое приближение. Я переформатировала себя из горизонтали в вертикаль, открыла глаза и увидела подплывающего ко мне мужчину. Он не дрейфовал, как я, а двигался энергично и целеустремленно, похоже, именно ко мне. Я огляделась – не уплыла ли ненароком за буйки? Нет, они дальше. Ну и в чем дело?

– Привет! – подплыв поближе, по-английски поздоровался со мной симпатичный брюнет. – Вы в порядке?

Я фыркнула. Судя по голливудским фильмам, американцы в обязательном порядке задают этот вопрос жертвам разного рода печальных происшествий. Упал, сломал ногу, кость из раны торчит – «вы в порядке?» Поймал головой кирпич, слетевший с карниза небоскреба, – «вы в порядке?» Подвергся нападению уличных грабителей, голодных зомби, злобных инопланетян – «вы в порядке?» И окровавленная жертва, если она еще в сознании, должна слабеющим голосом прошептать: «Да, все okay»...

– Все okay, – ответила я не слабеющим голосом, а вовсе даже наоборот – с легким нажимом, чтобы стало ясно, что сказанное в данной ситуации равнозначно пожеланию «Чувак, отвали!».

И вот наш русский чувак меня точно понял бы, а этот

только радостно улыбнулся. И, пока я соображала, как без грамматических ошибок сказать по-английски «Проплывайте-ка мимо, любезный!», поинтересовался еще:

– Вы одна?

Я выразительно огляделась и задумалась, надо ли учитывать при ответе рыб, морских ежей и осьминогов. Было бы неплохо, если бы приставучий брюнет отправился со своим «вы в порядке?» прямиком к ним на дно...

Наверное, выражение моего лица сделалось весьма неприветливым, потому что брюнет притушил сияющую улыбку и сообщил:

– Я полицейский, а вы?

Тут я снова подвисла. Он полицейский, чудесно, к чему мне эта информация? Я что, делаю что-то противоправное и этим привлекла внимание охранника порядка? И сейчас он меня арестует, закует в надувные наручники и с позором конвоирует на берег?

Тупя, я подзадержалась с ответом, и брюнет любезно подсказал мне его:

– Вы туристка?

– Я тут отдыхаю, – ответила я уклончиво.

И снова наш русский мужик по одной лишь интонации понял бы, что отдыхаю я тут от всевозможных тягот и неприятностей, к коим по умолчанию относятся и приставучие брюнеты. А этот только шире осклабилсЯ и не отстал, спросив:

– Как насчет выпить?

– Чего? – Я снова выразительно огляделась.

С языка само рвалось русское: «Мужик, ты офигел? Мы в море, что тут пить – соленую воду?!», но ситуация требовала англоязычных речевых конструкций, а со спонтанным английским у меня туговато, вывести разговор за пределы обмена шаблонными фразами я порой затрудняюсь.

– Вы где живете? – продолжил опрос надоеда.

Я встревожилась. Это что же, он уже ко мне в гости набиивается? Да на фиг нужно! Я верная супруга и добродетельная мать, на кой мне курортный роман?

– Давайте встретимся ночью в Калеичи и что-нибудь выпьем, – предложил не обескураженный моим молчанием брюнет.

– Ага, приходи ко мне ночью на сеновал! – язвительно ответила я цитатой из русского фильма. – Щассс! Нашел дуручку!

Решив, что эту беседу нужно заканчивать, я удалилась по-английски: не прощаясь, нырнула поглубже и, выплыв далеко за спиной надоеды, хорошим спортивным брассом двинулась к берегу. На пляже люди, там он приставать не будет, в мусульманской стране это не принято.

Ирка уже вышла на берег и высилась там, пристально вглядываясь в морскую даль из-под ладони, приставленной ко лбу вторым козырьком. Я уже видела подругу в этой героической позе – так она обеспокоенно высматривала своих мелких. Можно было не сомневаться, что теперь в роли под-

опечного несмышлениша выступаю я.

И точно – стоило Ирке меня увидеть, как она погрозила мне пальцем и строго зацокала. Зная, что она может долго и в красках описывать волнение, которому ее подвергло безрассудное поведение подопечного несмышлениша в моем – в данном случае – лице, я поспешила принять заботливо протянутое мне полотенце и переключить внимание подруги на другой объект:

– Ко мне в воде пристал мужик!

– Да ладно? – Ирка оглядела меня сверху донизу так, словно я сказала, что ко мне прилип банный лист, и попросила найти его на мне и отклеить. – Почему к тебе?!

– Думаю, потому, что по мне за версту видно, что я не местная.

– Нет, почему к тебе, а не ко мне? – Подружка насупилась.

Я внимательно посмотрела на нее: ну, точно, обиделась! Несмотря на то что Ирка тоже верная супруга и добродетельная дважды мать, она очень любит комплименты и ценит мужское внимание. И это при том, что у нее нет ни малейших сомнений в собственной великой красоте!

Говоря про великую красоту, я почти не иронизирую. Моя подруга весит примерно центнер, но каждый ее килограммчик находится на своем месте. У Ирки роскошные формы и потрясающие рыжие волосы. Видели бы ее Рубенс с Кустодиевым – сошлись бы в бескомпромиссном поединке за право живописать такую обнаженную натуру! Представляю их

смертный бой на кистях вместо шпаг и с палитрами вместо щитов...

– К тебе он не мог приставать при всем желании, – с трудом оторвавшись от созерцания воображаемого поединка живописцев, ответила я расстроенной подруге. – Вокруг тебя были люди, а я в одиночестве плавала у буйков...

– Завтра буду плавать на матрасе, – моментально успокоившись, деловито сказала Ирка.

Кому-то показалось бы, что это не в тему, но я без объяснений поняла ее логику. Ирка неуверенно держится на воде и не рискует далеко заплывать, но на надувном матрасе сможет разом покорять и морские дали, и мужские сердца...

– А что за мужик, покажи! – потребовала подружка, воинственно поправляя бюстгальтер раздельного купальника.

– Да как его теперь найдешь...

Я пробежалась взглядом по чернявым головам купальщиков.

– Они тут все брюнеты...

– Ну, хоть молодой или старый, с усами или без, волосы короткие или длинные, прямые или волнистые?

Я вздохнула и честно постаралась припомнить внешность пристава: молодой, безусый, зубы хорошие, белые, волосы густые, подстрижены коротко – наверное, потому, что он полицейский...

– Полицейский?! – взволновалась подружка. – О, значит, спортивного телосложения, здешние полицейские сплошь

видные парни...

И всю дорогу с пляжа до дома она обсуждала стати местных полисменов и с особым вниманием осматривала каждого встреченного нами мужика в форме, не делая исключения для швейцаров дорогих отелей и сборщиков податей на платных парковках.

Закрыть тему бравых парней удалось только на финише. Повезло: у дома, соседствующего с нашим, шумно гуляла свадьба, и приглашенные музыканты так громко били в барабаны, что разговаривать не было никакой возможности.

Я остановилась поглазеть на веселый праздник, а Ирка, наоборот, неожиданно ускорила и, едва не задев меня своим баулом, целеустремленно полетела к нашему дому.

Поглядев ей вслед, я успела увидеть мелькнувший в открытом проеме край длинного темного платья, а потом тяжелая дверь закрылась и грозно лязгнула.

– Зар-раза! – выругалась моя подружка, вынужденно затормозив на крыльце.

– Спокойно, мы же знаем и этот код, – догнав ее, напомнила я: подумала, что Ирка спешила с целью экономично просквозить в уже распахнутую кем-то дверь. – Сейчас откроем сами.

– Давай живее! – Подружка начала нетерпеливо подпрыгивать.

– Ты в туалет хочешь? – догадалась я. – Могла бы сказать,

мы проходили мимо кафе, и в парке у моря тоже есть прекрасные бесплатные туалеты...

– Да открывай же!

Я ввела короткий – всего четыре знака – код. Замок щелкнул, открываясь. Ирка дернула дверь, ввалилась в темный прохладный холл и застонала при виде съезжающихся дверей лифта:

– Не успели!

– У Хасана в офисе тоже есть уборная, – заботливо подсказала я, деликатно понизив голос. – Беги туда!

– Да не нужно мне в туалет! Подержи!

Ирка сбросила мне на руки свой баул и, пока я пыталась не свернуться в бараний рог под тяжестью внезапной ноши, с поразительно резвостью поскакала вверх по лестнице.

Куда так можно спешить, если не к удобствам, я не придумала, поэтому просто подтащила себя с грузом поближе к лифту, поставила баул на пол и стала ждать. Лифт или Ирку – что или кто будет раньше.

Первым вернулся лифт. Я загрузилась в него, поднялась на наш этаж и уже открывала дверь, когда на лестничную площадку с пыхтением выбралась раскрасневшаяся подруга. Глаза ее сверкали, на губах змеилась недобрая улыбка.

– Я знаю, где она прячется! – заявила Ирка и затолкала меня в квартиру, чтобы уже там продолжить таинственным шепотом: – Баба в парандже, это она прошмыгнула в дом перед нами и поднялась в лифте на второй этаж, который тут

на самом деле третий. И я успела увидеть, в какую квартиру она вошла!

– Погоди-ка...

– Какое – погоди-ка?! Идем, расколем ее, только вещи брось, мы пойдем налегке. – Ирка нетерпеливо приплясывала у порога.

Рыжие волосы растрепались, щеки разругались, глаза горят, кулаки сжаты и готовы к бою – ни дать ни взять хмельной воинственный викинг женского пола! Валькирия, разве что без коня.

– Куда? Зачем?

Мне в викинги не хотелось. Не тот у меня типаж.

– Как – зачем?! Раскроем дело с блудным трупом по горячим следам! Да ну тебя, копушу, я сама! – Подружка дернула дверь и вырвалась на оперативный простор.

Удержать ее я была не в силах – весовая категория у меня не подходящая, поэтому пришлось бежать следом, беспомощно приговаривая на ходу:

– Максимова, ты что творишь, куда ты летишь, а если эта баба совсем не та?

– Сейчас разберемся!

Ирка промчалась вниз по ступенькам, пересекла лестничную площадку и с кулаками налетела на дверь чужой квартиры.

– И как же ты будешь разбираться, интересно, если вовсе не знаешь турецкого? – откровенно досадуя, поинтересова-

лась еще я.

– Ничего, поверь, меня поймут! – не спасовала подружка и громко потребовала: – Откройте, полиция!

– Какая полиция?! – Я схватилась за голову.

– Какой полиций? – эхом послышалось за дверью.

Голос был женский.

Я изумленно моргнула. Ирка самодовольно ухмыльнулась:

– Я же говорила, меня поймут! – И требовательно повторила: – Откройте!

Щелкнул замок, дверь приоткрылась, в щель опасно выглянула темноволосая женщина лет пятидесяти – в черном платье до щиколоток, но без покрывала на лице.

– Здравствуйте, – сказала ей я, мысленно спешно подбирая хоть какой-то предлог для столь пугающего вторжения. – Извините, пожалуйста, мы просто хотели спросить...

– Это не вы ли оставили труп в квартире этажом выше? – бесцеремонно вмешалась Ирка, даже не подумав о каком-то там предлоге.

– Какой квартир? Какой труп? – Женщина схватилась за сердце, отпустив дверь, и наглая Ирка этим немедленно воспользовалась, прорвавшись в квартиру.

– Ира, это не она! – Я с усилием потянула подругу за штаны. – Не утренняя баба в черном! Та была ниже на целую голову!

– Ну, так каблуки! – Ирка посмотрела на босые ноги хо-

зыйки квартиры и досадливо крикнула, но не сдалась. – А другие женщины в доме есть?

– Нет женщина, один я, мушцын есть, сын, Али зовут...

– Не зовите его, не надо! – Я все-таки вытянула Ирку из чужой квартиры. – Ты с ума сошла, так вламываться к мирным людям в чужой стране?

Дверь за нами захлопнулась.

– Так она же была вся в черном, – пробормотала Ирка. – Я и подумала, что это та самая, которую мы уже видели!

– И что?

– А то, что она могла быть не убитой, а убийцей, понимаешь?

Мы двинулись к себе, и по пути подруга объяснила мне свои резоны:

– Согласись, эти их многослойные тряпки – идеальный маскировочный костюм, под паранджой не то что шелковый шнурочек – гранатомет запросто спрятать можно!

– Да под паранджой и мужика запросто можно спрятать, так что убийца мог быть любого пола, поэтому нет смысла приглядываться исключительно к бабам! – рассудила я.

– Это да, – согласилась Ирка и огорченно вздохнула. – Получается, у нас вообще никаких примет убийцы нет. Разве что рост – тебе примерно по плечо, значит, где-то полтора метра...

Мы вошли в квартиру, и разгоряченная Ирка сразу направилась в душ, а я пошла на балкон, чтобы развесить на про-

сушку мокрые купальники и полотенца.

И чуть не уронила вниз могучий Иркин лиф, внезапно ощутив мягкое прикосновение к локтю!

Взвизгнула, развернулась в прыжке и увидела втягивающийся за разделяющую два балкона непрозрачную перегородку меховой султан.

– Что? Что еще? Опять труп?! – примчавшаяся Ирка едва не сбросила меня за перила.

Я ей не ответила – у меня просто не было слов. На соседнем балконе, тараща на меня глаза-лампочки, восседал огромный полосатый кот. Просто роскошный котище, ростом с приличную собаку, усатый, пушистый и с кисточками на ушах! Невероятное чудо!

– Вот это киса! Цельная тигра! – восторженно ахнула Ирка. – Ох, ничего себе! Я слышала, что в Турции очень любят кошек и есть даже какая-то особая порода, но такого не представляла! Кс-кс-кс!

– Это не турецкий кот, – сказала я, осторожно протягивая руку, чтобы погладить вскочившего на перила зверя. – Видишь, он реагирует на кис-кис, а в Турции кошек подзывают по-другому.

– Как?

– Стыдно сказать – писи-писи!

– На такое и я бы не отзывалась. – Ирка тоже потянулась поглядеть тигровидного кота, запустила пальцы в густую шерсть, засюсюкала: – И кто же у нас тут такой хоро-

шенький, такой миленький...

– Это Макс.

Я с трудом отвела взгляд от довольно заурчавшего зверя, посмотрела выше. Ненамного выше: на соседний балкон вышла тощенькая белобрыся девица ростом «метр с кепкой».

– Я вижу, в этом городе превосходно можно обойтись и без турецкого языка, – удовлетворенно заметила Ирка. – Кого ни возьми, все знают по-русски, даже кот!

– Потому что это русский кот, мы с ним из Ярославля приехали, – сказала мелкая белобрыся и протянула ладошку. – Я Авдотья, вы можете звать меня просто Дот.

– ДОТ – как Долговременная огневая точка? – Ирка хмыкнула, явно невысоко оценив боевую мощь худосочной соседки. – Нет уж, лучше я буду звать тебя просто Дуня.

– А вы... – Дуня протянула ладошку мне, запнулась, ахнула и просияла: – А вы Елена Логунова, да? Та самая! Писатель, автор иронических детективов!

Я не успела ответить. Так приятно удивилась, аж дыхание перехватило. Надо же, как велика, оказывается, моя писательская слава! Гораздо больше, чем тиражи и гонорары. Надо бы, кстати, указать на это несоответствие любимому издательству...

– Нет, – потеснив меня плечом, неожиданно заявила Ирка. – Она не та самая. Она вообще не писатель.

– Но... – Я открыла и снова закрыла рот, получив локтем в бок.

Тычок, как и последовавший за ним строгий взгляд, явно имели характер предупреждения. О чем? Вот этого я не поняла. Дуня-Дот тоже оказалась непонятливой:

– Но как же... Я же видела ваши фото в «Инстаграме» и на «Фейсбуке»...

– А, фото! Ну, знаете... Моя подруга просто ведет странички знаменитой писательницы Логуновой, такая у нее работа – копирайтер называется.

Я с уважением посмотрела на подружку: надо же, запомнила трудное слово! Зачем только врет, непонятно, я же действительно и есть Елена Логунова, писатель...

– Вы же знаете, звезды ленивы и сами свои паблики не ведут, им некогда, у них светская жизнь бьет ключом по голове, приемы, тусовки, массовки, то-сё, – размеренно подпихивая меня локотком – мол, помалкивай! – разливалась Ирка. – Моя подруга как раз и работает на писательницу Логунову.

– Как жаль... – Дуня-Дот откровенно расстроилась. – А у меня был такой шикарный план...

– Какой же? – вмешалась я, произведя удар бедром, чтобы отодвинуть задавившую меня Ирку.

Белобрыска махнула рукой и всхлипнула.

Мы с Иркой переглянулись.

– А давайте чай пить? – предложила я, потому что расстроенную белобрыску почему-то стало жалко. – Дуня, идите к нам, у нас есть бублики и шоколадная паста.

– Мо? – густым басом спросил кот Макс.

– Молоко? – по-своему поняла его Ирка. – Молоко тоже есть, дуй сюда, пушистик!

Она подхватила котяру, крикнула: «Увесистый!» – и унесла его в комнату.

– Идите уже, я ставлю чайник, – уведомила я кошачью хозяйку и тоже ушла с балкона.

Ирка налила в большую пиалу молоко для кота.

– И зачем ты сказала, будто я – это не я? – поинтересовалась я, включая чайник.

– А затем, что это очень подозрительно – такое «случайное» узнавание, – ответила подруга, осторожно опуская полную молока пиалу на пол. – Ты же сама слышала, у этой девицы на писательницу Елену Логунову были какие-то планы. Какие? Может, преступные, даже смертоубийственные? Она, кстати, мелкая, как раз полтора метра примерно. Как та утренняя баба в черном, это настораживает, не находишь?

– Ага, ей меня конкуренты в жанре иронического детектива заказали, – фыркнула я. – Девица – киллер, а кот ее – орудие убийства. Она ему даст команду «фас», и он меня сожрет. Идеальное преступление получится, даже тело прятать не понадобится – с таким-то аппетитом!

– Между прочим, звучит достаточно правдоподобно.

Мы обе с интересом наблюдали за тем, как стремительно понижается уровень молока в импровизированной кошачьей миске.

– В любом случае, уверена, тебе ни к чему тут хвост из восторженных фанатов, – заключила подружка. – Мы ведь приехали, чтобы спокойно отдохнуть...

– Да, хотелось бы, – согласно кивнула я. – Но получится ли? Как-то неправильно начался наш спокойный отдых – сначала стрельба на пустыре, потом труп в квартире...

– Трупа, может, и не было, – машинально возразила Ирка, и тут до нее дошло: – Стоп, какая стрельба?!

Вот блин, я проболталась!

Тут, к счастью, послышался стук – пришла на чай соседка.

– Я потом тебе все расскажу, – пообещала я подружке и улизнула открывать дверь.

Дуня-Дот пришла к нам с коробкой рахат-лукума и с грустной мордашкой. Лукум мы с удовольствием съели, причину соседкиной грусти прояснили по ходу чаепития.

История оказалась простой и назидательной. В духе «на всякого мудреца довольно простоты».

– Вообще-то я тоже писательница, – с тихой гордостью призналась соседка.

– Как зовут? – ревниво спросила Ирка.

Она, если кто еще не знает, у нас поэтесса. Доморощенная, издателями не признанная, а оттого особенно чувствительная к чужим творческим успехам.

– Авдотья Лужина, но пишу под именем Диана Лунная.

– Диана Лунная, Диана Лунная, – забормотала я, вспоминая. – Что-то я вроде слышала...

– Вряд ли, мой роман еще не опубликован, – вздохнула соседка. – Хотя я уже в три издательства обращалась...

– И что? – спросила Ирка, которая обращалась не в три, а в тридцать три издательства. Или в сто тридцать три – короче, во все, какие нашла в интернете.

– И ничего! Ни ответа, ни привета! – Дуня развела руками, капнув чаем на кота. Тот недовольно мявкнул, потряхнул башкой, но от стола не ушел. – Даже отказать не потрудились, просто проигнорировали мои обращения – и все!

– Издательства – они такие, – поддакнула Ирка таким тоном, каким не знающие счастья в личной жизни дамы говорят: «Все мужики – козлы». – На словах: «Ах, пишите же нам, пишите, мы всегда рады новым авторам!», а на деле из года в год печатают одних и тех же.

– Одни и те же тоже когда-то были новыми авторами, – напомнила я – не в первый и даже не в десятый раз. На эту тему мы с подружкой дискутировали уже неоднократно. – Они пробились, значит, и другие могут также.

– Ой, скажи еще, что для этого нужен талант! – фыркнула Ирка.

– Нет, – честно ответила я. – Для этого нужно правильно действовать. Написать синопсис, аннотацию, составить заявку в полном соответствии с требованиями издательства, отправить все это по правильному адресу и...

– Вот! – азартно перебила меня Дуня. – Вот главный секрет: обратиться по правильному адресу! К нужному челове-

ку в издательстве! Который подскажет, поможет, протолкнет...

И тут я вспомнила:

– Лунная! Точно! Это ты бомбила ме... мою писательницу Логунову просьбами почитать твои романы и подсказать, помочь, продвинуть! Целый роман в личное сообщение на «Фейсбуке» кинула, как там его, не помню название, что-то кровавое и одновременно про деньги...

– Никаких денег, просто «Золотая кровь», – проворчала Дуня.

– Про зажавшихся сынков олигархов? – предположила Ирка.

– Нет! Про драконов! Это детектив-фэнтези!

– А-а-а-а... – Ирка стрельнула в меня глазами. – Знакомый жанр. Помнится, моя любимая по... писательница Логунова тоже что-то такое издала.

– Всего один раз, – буркнула я. – С кем не бывает... Обычно я... э-э-э... Елена иронические детективы пишет, а это вполне себе респектабельный жанр.

– Ну, я бы поспорила, – вякнула дерзкая Дуня.

– С издателями поспорь, – отбрила я.

И мы замолчали, взаимно обиженные. Ирка посмотрела на меня, на Дуню, хмыкнула, забросила в рот сразу несколько разноцветных кубиков лукума, задумчиво сжевала их и обратилась к соседке:

– Поправь меня, если я неверно поняла, но ты поселилась

с нами по соседству совсем не случайно, а в попытке приблизиться к писательнице Логуновой?

Дуня удрученно кивнула.

– А как же ты узнала, где ее искать? – не отстала от страдалицы цепкая Ирка.

– Элементарно, Ватсон, – со вздохом объяснила соседка. – Я мониторила ее соцсети, а она там похвасталась, что едет в отпуск в Анталью, и выложила фото дома, в котором сняла апарт. Я зашла на сайт [airbnb](#), ну, знаете, где сдают отпускное жилье...

– Знаем, знаем, – желчно вставила я.

– ...пересмотрела там сотню разных квартир в Анталье, нашла тот самый снимок и тоже арендовала квартиру в этом апарт-отеле. А по приезде просто попросила управляющего поселить меня по соседству с другими гостями из России.

– Умно, – оценила Ирка. – Посмотрела на мрачную меня и нарочито легко договорила: – Тем не менее ты промахнулась. Мы с подругой, конечно, из России и даже неплохо знакомы с писательницей Логуновой, но помочь тебе с изданием твоих книг никак не сможем, уж извини. Я тебе больше скажу, эта самая писательница даже своим лучшим друзьям с продвижением не помогает, они годами ее просят, просят, прямо-таки умоляют, а она – нет, и все тут.

– Я вам что, литературный агент?! – психанула я.

– Да ты-то тут при чем? Ты же всего лишь копирайтер, наемный сотрудник, не настоящая писательница, а так, поддел-

ка, фальшивка, двойник «звезды» для публики! – радостно оскалилась Ирка. – Ты-то хороший человек, хоть и маленький, а вот писательница, тезка твоя, определенно та еще зараза!

– Кстати, я Лена, – запоздало представилась я закручивавшейся гостье.

– А я Ира, не копирайтер, а поэтесса, – отрекомендовалась моя подруга. – И тоже пока нигде не издавалась.

Дуня молча протянула ей ладошку, и товарки по творческому несчастью обменялись крепким рукопожатием.

– Ну, Ленка-то нас не поймет, куда ей, ремесленнице, а мы с вами, Дуня, как люди творческие, имеем много общего. – Ирку понесло.

И не куда-нибудь, а напрямиком в спальню – к чемодану, в котором она привезла бутылку коньяка.

– А давайте, Дуня, мы с вами выпьем? За великое русское слово, за вдохновение, за смелые творческие планы и победу таланта над косностью и стяжательством!

Размахивая бутылкой, Ирка увлекла новую знакомую на балкон, откуда еще прибежала за стаканами, причем меня присоединиться к попойке не пригласила.

– Нет, ты слышал? – переместившись в кухонный угол и занявшись приготовлением ужина, спросила я кота Макса, который великодушно остался со мной и яростно разделываемой мною курицей. – Я, значит, ремесленник, стяжатель и косная личность, а они будто бы Ахматова с Цветаевой!

– Мо, – сказал кот.

– Можно подумать, – согласилась я. – Будешь сырое крылышко?

– Ма!

– Мало? Два крылышка?

– Мы!

– Мыслю правильно, да? – Хмыкнув, я щедро наполнила кошачью миску.

С балкона доносились бульканье, звон стаканов и разглагольствования в духе «и вот скажу я тебе, как мастер слова мастеру слова...».

Рассуждали мастерицы забавно.

– Мы же, писатели, кто? Мы инженеры человеческих душ! – вещала Ирка.

– А у меня тройка по геометрии была, – кручинилась Дуня.

– А геометрия тут вовсе ни при чем! – успокаивала ее коллега. – Мы инженеры в том смысле, что несем читателям лучшие материалы для строительства внутреннего мира.

– А если кто-то не лучшее несет, то он и не инженер? – волновалась начинающая писательница.

– Если пургу несет и мрак беспонтовый, то он этот... Криминогенный инженер, вот он кто! – резала правду-матку поэтесса.

– Му, – явно критически высказался кот.

– Муть редкостная, – согласилась с ним я. И пригорюни-

лась, оплакивая свой тихий спокойный отпуск. – Боюсь, твоя хозяйка теперь от нас не отлипнет.

– Мо.

– Море, да. Туда она тоже увяжется за нами.

– Мы.

– А что мы? Мы же не прогоним ее, чай, землячка и вообще – сестра по разуму, тоже работник пера и непризнанный гений...

– Му?

– Мучительно это будет, да...

Мне все меньше верилось, что наш летний отдых будет тихим и спокойным.

Гениальные творческие личности, поэтесса с писательницей, засиделись на балконе под звездным небом далеко за полночь. Я не стала их разгонять, чтобы не нарваться на новое несправедливое обвинение в душевной черствости и возмутительном непонимании прекрасного. Просто закрыла поплотнее дверь в спальню и завалилась в кровать.

Мой мирный сон продолжался недолго. Не знаю, в каком часу – темень была кромешная – в лицо мне ударил резкий свет фонарика. Испуганно пискнув, я попыталась спрятаться под подушкой, но ее у меня решительно отняли и спросили:

– Тык шта за стрельба-то?

Тон был строгий, речь нестройная – с дефектами.

Я не сразу поняла, кто это и чем вообще интересуется,

но упоминание стрельбы навело на соблазнительную мысль немедленно покончить с собой. Похоже было, что только такая решительная мера обеспечит мне желанный покой.

– Й-а спрашиваю тя, о к-кой стрельбе ты г-варила?

– Ирка! – Я узнала дефектный инквизиторский голос. – У тебя совесть есть?

– У меня нет совсти, а у тя есь ин-фр-мация, давай, колись! Иль ты думла, я забуду? Не-е-ет уж, ск-зала А, г-ври и Бэ... Бэ-э-э...

Кровать скрипнула, внезапно освобожденная от веса навалившегося на нее тела, луч фонарика заметался по стенам, нашел дверной проем и утонул в нем с концами.

Я прослушала выразительный аудиоспектакль: спотыкающиеся торопливые шаги, грохот упавшего табурета и выразительное «бэ-э-э-э, буэ-э-э», а потом журчание воды. Кому-то явно не пошел на пользу теплый коньячок.

Вернувшись, Ирка не стала продолжать допрос. Слабым голосом пробормотала:

– Птом п-г-врим... – И заползла в свою кроватку, тут же уснув.

Я глубоко подышала, прогоняя остатки внезапного стресса, и сделала то же самое – погрузилась в сон.

Утро началось с перепуга.

Перепуг был немалый – на две персоны – и приключился с минимальным сдвигом по фазе: сначала потрясение испы-

тала Ирка, потом я. А поскольку обе мы сопровождали эмоциональный выплеск громким воплем, можно было уверенно предположить, что тревожная побудка случилась у всего гражданского населения в радиусе сотни метров. Да, с тихим и спокойным отдыхом сегодня никому не повезло...

– Ты чего орешь? – обняв ладонями сорванное горло, хриплым шепотом спросила я Ирку, когда она наконец перестала вопить как резаная.

– Ма... Ма...

– А попонятнее можно? – сердито зашипела я. – Ты разговариваешь, как соседский кот!

– Да чтоб он сдох! – рявкнула Ирка и нагнулась, нашаривая что-то на полу.

– Не убивай его! – Я испугалась за Макса.

– Да это он меня чуть не убил! Я сунула ногу в тапку, а там вот это! – Ирка разогнулась и продемонстрировала мне придушенную серо-бурую птичку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.